

**Труды
Архива востоковедов
Института восточных
рукописей РАН**

Под общей редакцией
И.Ф. Поповой

Выпуск 1

Труды востоковедов
в годы блокады
Ленинграда
(1941–1944)

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2011

А.Н. ГЕНКО

О переводе адыгейского алфавита на русскую основу

*Предисловие и публикация
А.И. Алиевой*

Аннотация. Публикуемая статья написана выдающимся отечественным кавказоведом, специалистом по языкам Центрального и Восточного Кавказа и Закавказья А.Н. Генко (1896–1941). Наряду с многими другими его неизданными работами она хранится в АВ ИВР РАН (Ф. 74. Оп. 1, ед. хр. 117). Статья посвящена анализу проекта создания адыгейской орфографии на основе русского алфавита, опубликованного в Нальчике в 1937 г.

Ключевые слова: А.Н. Генко, кавказоведение, реформа адыгейской письменности.

Анатолий Несторович Генко родился 4 ноября 1896 г. в Петербурге в семье лесовода¹. В 1914 г. после успешного окончания гимназии поступил в Петроградский университет одновременно на два факультета (историко-филологический и Восточный) и окончил его в 1920 г. по двум специальностям — классической и армяно-грузинской филологии. С 1921 г. А.Н. Генко — научный сотрудник II разряда Института сравнительной истории, литератур и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского и по совместительству — научный сотрудник Яфетического института и Российской Академии истории материальной культуры. В 1923 г. А.Н. Генко перешел на работу в Азиатский музей, где занимал должности ученого хранителя, ученого специалиста, заведующего кабинетом Кавказа и христианского Востока. С 1936 г. уче-

---

¹ *Лавров Л.И.* Памяти А.Н. Генко // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 99. М., 1972. С. 213–222.

ный заведовал также Кавказским Кабинетом Института этнографии АН СССР. Одновременно он читал курсы по языкам, истории и этнографии Кавказа в ЛГУ, ЛВИ, ЛИФЛИ.

А.Н. Генко не только вел большую педагогическую и научную работу, но и принимал активное участие в строительстве новой культуры народов Кавказа. Как член Центрального Комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, Генко был одним из активных создателей алфавитов для ряда прежде бесписьменных народов Кавказа, в изучение которых он внес серьезный вклад. Он увлеченно изучал языки народов Центрального и Восточного Кавказа — бацбийский (цова-тушинский), ингушский, лезгинский (его ахтынский и кубинский диалекты), табасаранский, цахурский, хиналугский — и Закавказья: грузинский, азербайджанский. Исследовал А.Н. Генко также историю, этнографию, фольклор этих народов.

Фундаментальное исследование абхазского языка обусловило необходимость обращения ученого к другим языкам абхазо-адыгской языковой семьи — сначала к адыгейскому, а затем к кабардинскому языкам.

Вот почему А.Н. Генко с особым интересом отнесся к рецензированию проекта адыгейского алфавита, который он не только положительно оценил, но и высказал ряд конструктивных предложений. Однако статья А.Н. Генко «О переводе адыгейского алфавита на русскую основу» так и осталась неопубликованной, как, впрочем, и многие другие его работы. Будет справедливо издать во всем объеме неопубликованное наследие замечательного кавказоведа XX в. — А.Н. Генко. Хотелось бы, чтобы публикация этой статьи положила начало этой непростой работе.

А.И. Алиева

О переводе адыгейского алфавита на русскую основу

< Л. 1 > I

Когда после Октябрьской революции начали получать свое практическое применение в отношении адыгейского народа принципы ленинской национальной политики, в основу возникающей адыгейской письменности был положен специально приспособленный к адыгейскому языку вариант арабского алфавита (применявшийся в Адыгее

спорадически и до Октябрьской революции, примерно с 1912–1913 гг.).

В 1927 г. этот арабизированный алфавит был заменен употребляемым по настоящее время (т.е. до 1937 г. включительно) алфавитом на латинской основе. «Латинским» этот последний алфавит мог считаться вполне условно, т.к. из 50 начертаний, в нем принятых, лишь 25 (считая в том числе *v* и *w*) могут быть причислены к нормальному латинскому типу, остальные 25 знаков представляют более или менее причудливые и оригинальные вариации латинских литер (как, например, *đ, đ, k, p, b, ʔ* и т.д.) или же нечто уже совсем не латинское (как например, *h, f, l, j, ğ* и т.д.).

Указанная многобуквенность (50 знаков алфавита) вытекала из условий самого языка (литературное наречие адыгейского языка насчитывает до 65 фонем) постольку, поскольку составители алфавита (Сиюхов С., Кубов Ш. и др.) не пожелали отступить от доктринально устанавливавшегося Комитетом нового алфавита положения — каждый фонематически самостоятельный звук языка должен иметь свое самостоятельное буквенное < Л. 2 > выражение. Провести до конца эту точку зрения, иначе говоря, создать 64 особые литеры, показалось все же переходящим границы практически допустимого, и в порядке компромисса для некоторого числа так называемых лабиализованных звуков были созданы при помощи букв *v* и *u* двойные начертания в количестве 14–28.

Помимо многобуквенности, созданный в 1927 г. алфавит страдал еще одним недостатком — игнорированием форм существовавшего уже с 1923 г. латинизированного алфавита для ближайшего родственного, вполне доступного пониманию адыгейцев кабардинского языка, что без нужды разобщало культурное строительство у этих близкородственных народов. Принципы орфографии адыгейского языка также оставались недостаточно продуманными и практически разработанными до самого последнего времени; сложная проблема так называемого отдельного слова в адыгейском языке с вытекающими из того или иного решения ее правилами слитного и раздельного написания различных элементов словосочетаний и фраз решалась различными авторами (Д. Ашхамаф, Н. Яковлев и др.), высказывавшимися по вопросам адыгейской орфографии, иначе, чем в Кабарде, и практически зачастую заведомо несостоятельным образом. Многочисленные языковые конференции и комиссии, собиравшиеся в разных городах Союза за последние 15 лет (считая с 1923 г.), не смогли преодолеть вредного разнобоя между орфографией адыгейской и кабардинской: каж-

дая сторона упорствовала в своих предвзятых решениях (со стороны Кабарды «теоретиком» выступал Т. Ворукаев).

Перечисленными недостатками, а равно и интересами сближения адыгейской письменности с общегосударственной русской, < Л. 3 > интересами повышения на этой основе издательского и школьного дела Адыгеи была вызвана постановка летом истекшего 1937 г. вопроса о желательной реформе адыгейского алфавита и письменности с переходом от латинской основы алфавита к русской.

В результате работы адыгейских областных организаций мы имеем в настоящее время опубликованный в Майкопе печатный проект адыгейской орфографии на русской основе, каковой и послужит предметом обсуждения в нижеследующих строчках.

Отвлекаясь при этом от исчерпывающей регистрации довольно многочисленных, замеченных мною более или менее злокачественных корректурных погрешностей печатного текста проекта. Наиболее злостные случаи: на стр. 20, § 17, напечатано «союзный суффикс» и «вместе с окончанием именных основ у следует писать через *йи* — вместо у следует читать *й*»; на стр. 11 напечатано: «сокращены по новому алфавиту *џ* и *г*» — вместо *г* следует читать *q*; многочисленны случаи опечаток в приводимых примерах слов, например, [на] стр. 8, § 9 *дже-гу*, читай *джэгу*, [на] стр. 15, § 16 *шхьакIэ*, читай *шхьакIэ* и т.д.

II

Адыгейский проект распадается на 4 раздела: во-первых, значения и правописание букв адыгейского алфавита на русской основе; во-вторых, о слитном и раздельном написании слов и употреблении дефиса; в-третьих, правописание глаголов и имен; в-четвертых, правописание усваиваемых интернациональных, русских и других терминов.

< Л. 4 > Раздел 1 обнимает § 1–11, раздел 2 — § 12–22, раздел 3 — § 23–27 и раздел 4 — § 28–38.

В первом основном разделе проекта решается задача передать 32 буквами существующего русского алфавита 65 фонем адыгейского литературного языка. Для этой цели предлагается внести одну дополнительную литеру («в печати и на пишущей машинке эта буква имеет вид римской цифры *I* (один), а в письме — палочки, выступающей вверх из строки») в двух значениях: во-первых, самостоятельно — для передачи адыгейского согласного звука «гамзы» (т.е. гортанного смыка); во-вторых, несамостоятельно — в качестве дополнительного знака к 7 буквам (*ч, ш, л, п, т, к, ц*) для передачи так называемых смычно-

гортанных звуков адыгейского языка. Совмещение в знаке *I* двух самостоятельных значений влечет за собой некоторое неудобство — совпадение, правда в ограниченном количестве примеров, разных, различавшихся в латинском алфавите слов и словосочетаний. Сравни, например, *пIэ* «наша рука» (= лат. *bhe*) и «копай» (= лат. *be*); *пIэ* «твоя рука» (= лат. *phe*) и «место» (= лат. *pe*). Как бы то ни было, при этом условии за всеми 32 буквами оказывается возможным сохранить, в большинстве случаев, значение, присвоенное им в русском алфавите, или — что реже — значение, практически столь близкое к русскому, что различие можно по существу игнорировать (таковы 7 букв: *ы, л, ш*, частично *э, г, ь* и *ь*; из них — *э* и *г* имеют по два значения, в зависимости от различия положения, *ь* и *ь* — значение дополнительного знака, применяемого в сочетании с другими буквами для выражения девяти специфических звуков адыгейского языка).

< Л. 5 > Таким образом, с помощью ординарных букв оказываются выраженными 30 фонем адыгейского языка (а именно: выражавшиеся ранее следующими буквами латинизированного алфавита: *a, e, э, o, u, v, ye, i, b, w, ģ, d, j, z, y, k, l, m, n, p, r, s, t, f, x, c, k, ĥ, ĵ, h*); остальные 35 фонем выражаются сочетаниями букв: двойными буквами выражаются 25 фонем (а именно: прежние *з, д, г, х, q, д, z, š, L, fi, џ, d, ĥ, j, p, b, r, k, ç, dy, xv (xo), hv (hu), gv (gu), kv (ku), cv (cu)*); тройными — 10 фонем (а именно: прежние *зv (zu), gv (gu), æv (xu), qv (qu), zv (zu), šv (šu), ĥv (ĥu), pv (pu), bv (bu), rv (ru)*). Буквы *e, я, ю* имеют, как и в русском, по два значения, из них основное — слоговое значение сочетания двух звуков (т.е. *e = ĭ + э; я = ĭ + а; ю = ĭ + у*); применение *ю* ограничено преимущественно усваиваемыми иноязычными терминами. Однако примеры, подобные *техъу* (стр. 9 вверху), показывают довольно существенно отличное значение буквы *e* внутри слов адыгейских сравнительно со значением ее внутри слов, усвоенных из русского. Это различие (фонетическое значение адыгейского примера можно ближе передать средствами русской орфографии, как *тьехъу*) следовало бы, пожалуй, оговорить в проекте. То же значение относится и к адыгейскому значению буквы *и* (например, *ти Ленин*, точнее передает фонетический смысл написания *тий Ленин*).

Указанным путем удастся, во-первых, сократить количество литер алфавита с употреблявшегося доселе числа 50 (собственно 49, т.к. *f* применялось только к кабардинским примерам в букваре) до 33; во-вторых, совершенно устранить разноречивость в написании усваиваемых интернациональных и русских слов между русской орфографией этих слов и орфографией адыгейской.

< Л. 6 > Заслуживает полного одобрения трезвая практичность составителей проекта, выразившаяся в том, что они не поддались искушению фонетически теоретизировать применение дополнительных знаков *ъ* и *ь* и ограничивать употребление каждого знака определенными фонетическими условиями; знаку *ъ* придается в проекте в разных сочетаниях три различных значения (а именно: в сочетаниях *гъ, къ, хъ, чъ* твердый знак означает велярность согласного, в сочетаниях *жъ, шъ* — шепелявость, в сочетании *лъ* — глухость); знаку *ь* — два значения (в сочетании *жь* мягкий знак означает мягкость согласного, в сочетании *хь* — надгортанниковый характер спиранта). В этом отношении проект счастливо избежал ненужного усложнения и безнадёжного запутывания практического вопроса теоретическими заскоками, подобными тем, что имели, к сожалению, место в ИЯМ при обсуждении весной 1936 г. аналогичного кабардинского проекта и совсем недавно, в декабре 1937 г. при обсуждении соответствующих проектов для ряда дагестанских яфетических языков.

В формулировке некоторых положений первый раздел проекта грешит все же излишним упрощенчеством: так, адыгейское *у* называется без обиняков гласным звуком (§ 8–9, § 11 сравнит[ельной] таблицы), тогда как в действительности авторам, без сомнения, хорошо известно, что буква *у* выражает в их адыгейском проекте: 1) согласный гортанный лабиализованный спирант (напр[имер], в *уан, еу*); 2) сочетание этого же спиранта с гласным *ы* (например, в *унэ, уадыг, реу*); 3) долгий гласный *у* (напр[имер], в *субъект, ударник, Ульянов*); 4) элемент лабиализации согласных (например, в *джегу, ыгу, хьандзу*); 5) сочетание элемента лабиализации согласного с последующим гласным *ы* (напр[имер], в *огьу, гун, ку*).

< Л. 7 > Аналогичное замечание можно сделать по поводу определения *и* в сравнительной таблице на стр. 10 как гласного (наряду с *й* — напечатано ошибочно *и*, — определенным как согласный).

Сохранение различия *й* и *и*, данного русским алфавитом (старые *у* и *и*), при неразличении многочисленных значений для *у* (старые *и* и *у*), к сожалению, еще более отягчает адыгейскую орфографию в труднейшем вопросе обозначения различных сочетаний гортанных спирантов *у* и *у* с гласными *ь, е* и лабиализованными согласными. В применении *и* и *й* необходимо внести точную регламентацию, отсутствовавшую и ранее, отсутствующую и в новом проекте: почему, напр[имер], нужно писать *сыхъатыпси*, буквально «цепочка от часов» (стр. 14 вверху), но *къодый*, хотя и в том, и другом случае в конце слова слышны совершенно одинаковые звуки *ый* или *ий*. Как, например,

писать в значении «семь лучей» — *нэбзыйибл, нэбзийибл, нэбзийибл...* или в значении «он потянулся и» — *зыкъудыйи, зикъудийи* и т.п.

Совершенно умалчивает проект о двух фонемах адыгейского языка, можно полагать, ввиду их относительной редкости, именно выражаемых латинским алфавитом как *xv* (собственно *хо*) и *dj*. Следовало бы все же в примечании отметить, что такое, например, слово, как *хо*, пишется именно *шхо*; что касается *dj*, остается догадываться, что такие слова, как *Lekvandj, yebendj* и т.п., пишутся, по мысли автора проекта, *лъэквандж, убэндж* и т.п., иначе говоря, что сочетание *дж* имеет два фонетически различных значения: мягкого и твердого шипящего аффриката (лат. *g* и *dj*), что необходимо было специально оговорить.

В этой связи обращает на себя внимание еще одна теоретическая непоследовательность проекта, также оправдываемая, < Л. 8 > без сомнения, интересами практической: при условии выражения *š* посредством сочетания русского *шь*, *ʃ* — посредством сочетания *жъ* и *đ* посредством сочетания *чь*, фонетически оправданным буквенным обозначением для *h* было бы не *шI*, а *шьI* (соответственно для *hʋ* не *шIу*, а *шьIу*); для *ç* не *дж*, а *джъ*, для *ç*, не *çI*, а *чьI*. Подобное торжество «теории» пришлось бы, таким образом, купить ценою создания лишних тройных сочетаний, а в одном случае (для *hʋ* = *шьIу*) даже четверного.

Оставляют нас в неизвестности составители проекта и по вопросу о том, как быть с обозначением корневых однотипных и морфологических сочетаний одинаковых звуков в тех случаях, когда соответствующие отдельные звуки выражаются сложными сочетаниями знаков; судя по формулировке § 23 («Глагольные префиксы субъекта при переходных глаголах, не имеющие огласовки и произносимые перед глухими согласными корня как: *с, н, т, ш у*, изменяются перед звонкими в звонкие: *з, б, д, у* и пишутся согласно их произношению, а перед надгортанными остаются и пишутся как *с, н, т, ш у*»). Можно было бы думать, что такие, например, слова, как: *рке* (прыгай), *рсэ* (ложь), *рјэ* (четыре), *рјә* (десять), следует писать не *пкIэ, пIçIы* и т.д., а попросту *пкIэ, пIçIы* и т.д. Но это необходимо было сказать определенно и в 1-м разделе, оговорив, что *р, б* и т.п. выражаются двойко, иначе говоря, что *п, т* и т.д. имеют в алфавите по два значения в зависимости от сочетания выражаемых ими звуков с последующими однотипными по способу образования звуками.

Правила 2-го раздела проекта предлагают внести решительный перелом в существовавшую доселе орфографическую практику, приближая ее к нормальному типу словоразделения и, в частности, к той

системе орфографии, которая применялась искони < Л. 9 > в кабардинской письменности. Дело в том, что до самого последнего времени все авторы, писавшие по вопросам адыгейской орфографии, упорно отстаивали принципы слитного написания атрибутивных (определятельных) и детерминативных (дополнительных) сочетаний слов, на том основании, что эти сочетания представляют собою по норме адыгейского языка одно политическое и морфологическое целое. (Сравни изданную Адыгейским научно-исследовательским ин[ститу]том краеведения в 1934 г. брошюру Ашхамафа Д.А. «О принципах построения адыгейской орфографии».)

Во всех стилях речи избобилуют такие сочетания, как, например, для поэтического стиля — *фэрэхэклокъара* (собственно три слова: «породистый вороной жеребец») или для прозаического стиля *ятлонэрэильэситфпланым* (собственно три слова: «второй пятилетний план») и т.п., писавшиеся слитно. Правила § 12–14 проекта формулируют вопрос совершенно иначе, а именно таким образом: «Слова, состоящие из одних согласных или односложные, оканчивающиеся на гласный (слова типа открытого слога), всегда пишутся слитно с предшествующим словом, к которому они относятся» — «Во всех остальных случаях слова в словосочетаниях пишутся раздельно».

Очевидна неловкость и несостоятельность принятого здесь выражения: «слова, состоящие из одних согласных» — имеются в виду слова, утрачивающие² свой гласный лишь в условиях указанных сочетаний с предшествующими словами. Равно неудачно замечание, говорящее о «предшествующем слове, к которому они относятся» — как относятся? Можно ли сказать, сохраняя обычное понимание термина, что в выражении *колхозыш* слово *ш(ы)* «лошадь» «относится» к слову «колхоз», а в выражении *чъыгыжьышъхъэ* слово *шъхъэ* «голова, глава, вершина» «относится» к слову «старое дерево»? Относится ли, чтобы привести неиспользованный в проекте пример, то же слово < Л. 10 > *шъхъ(э)* в сочетании *апэрэшъхъ* (первая глава) к слову *апэрэ*? Нужно ли далее писать: *шылы* «конина» или *шы лы* (собственно «конское мясо»), *псышъхъэ* («исток реки») или *псы шъхъэ* (собств[енно] «речная вершина»), *пшыллы* «крепостной» или *пшы лы* (собств[енно] «княжий человек»), *псыхъэ* «за водой» или *псы хъэ* (собственно «чтобы воду нести») и т.д.?

Правило в принципе практически абсолютно целесообразно, но формулировать его нужно, очевидно, точнее, учитывая оба типа соче-

² Подчеркнуто А.Н. Генко.

таний: определяемое + определение и дополнение + дополняемое (сравни к формулировке правила § 1–2 в изданном Северо-Кавказским горским историко-лингвистическим ин[ститу]том в Нальчике в 1935 г. проекте «Кабардино-черкесская орфография», в составлении которого принимал некоторое участие и нижеподписавшийся).

Правило § 13 сформулировано: «Слова сложные (составные) по происхождению (если они не подходят под правило п. 12-го) пишутся слитно также и в том случае, когда они в одной из своих частей или в целом получили новое значение (в остальных случаях такие слова пишутся согласно п. 14-му, гласящему: «во всех остальных случаях слова в словосочетаниях пишутся раздельно»). Семантический критерий, вообще говоря, удачно положенный в основу правила, может послужить, как известно из практики, хорошим источником для недоразумений, как вообще, так и в особенности в условиях адыгейской письменности. Понятие новизны значения не всегда оказывается легко уловимым, таким образом, можно колебаться — писать ли *гъуч(ы)лун* < Л. 11 > («железный гвоздь») или *гъучлы лун* («деревянный колышек, клин»), сравни *пхъэлун* (собственно «деревянный колышек, клин»), *шынахьыкI* «младший брат» или *шы нахьыкI* (буквально «брат более молодой»; *шы* отдельно, вне немногих почти неразрывных сочетаний неупотребительно!), *ІэпIэшъэл* «говядина» или *Іэ пIэшъэ лы* (собств[енно] «скота крупного мяса») и т.п. Эти и подобные им примеры предусмотреть в общих правилах орфографии, конечно, не представляется практической возможности; задача регламентации подобных частных затруднений должна получить свое разрешение в орфографическом словаре-справочнике.

Как приведенный параграф 13, так и следующие за ним § 15–20 средактированы под несомненным влиянием соответствующих § упомянутого проекта кабардино-черкесской орфографии (сравни ук[азанное] соч[инение], § 3, 4, 5, 6, 8) и изменяют радикально господствовавшую доселе практику.

Невразумительно сформулировано примечание к § 19 — при чем здесь «хотя»? Сравни примеч[ание] 2 к § 15, где говорится: «Числительные, выражаемые цифрами, пишутся отдельно от тех слов, к которым они относятся. При этом соединительный гласный *и* пишется слитно с предшествующим ему словом, а относящиеся к цифре окончания пишутся через дефис после цифры». В этом же смысле представляется излишним обоснование правила § 15 о слитном написании числительных 100 и от 2 до 10 включительно соображением, что в адыгейском языке «эти числительные состоят из одних согласных или

одного слога, оканчивающегося на гласный, и соединяются с предшествующим словом с помощью соединительного гласного *и*» — достаточно было ссылки на правило § 12.

< Л. 12 > § 22 гласит: «Две параллельно сочетающиеся основы, в том случае, если они могут иметь общее окончание, пишутся через дефис (черточку)». Целесообразность применения дефиса в этих случаях сомнительна постольку, поскольку он обоснован морфологическим критерием общего окончания, игнорируемым, и справедливо игнорируемым, в правиле § 14, 17 и 19.

В 3-м разделе проекта обращает на себя внимание § 25, гласящий: «Временное окончание прошедшего несовершенного следует писать как *цтыгъэ*, а условного времени как *цтгъэ* — во избежание их смешения». Различное оформление окончаний прошедшего несовершенного и условного времени пытается отразить различие иного порядка, состоящего в различии ударения: в имперфекте ударение стоит на личном префиксе, тогда как в условном времени ударение всегда стоит на последнем слоге глагольной основы.

В разделе 4-м § 28, гласящий: «Усваиваемые интернациональные, русские и др. термины следует передавать, ориентируясь на их написание в русской орфографии», покрывает своим содержанием все последующие §, а именно: § 29–33 и 35, делая их по существу излишними.

Явно неудовлетворительно формулирован § 34, гласящий: «Интернациональные и русские окончания существительных: „изм“, „ист“, „ит“, „ин“, „ат“, „нат“, и русские: „а“ ударное, „ство“, „ность“, „ия“, „ие“, „ит“, „ин“, „ат“, „нат“, „а“, „ства“, „ность“, „не“, „ии“, а безударное окончание „а“ — через „э“» (сравни § 35 — «Интернациональные и русские окончания прилагательных „ний“, „ский“, „ческий“, „истский“, в < Л. 13 > случае необходимости сохранения их в адыгейском языке следует передавать через *нэ, скэ, ческа, истскэ*). (В полном, противоречии с этой формулировкой стоят такие примеры проекта, как: *рабочэ* (стр. 13 в середине), *фабрикакI* (стр. 12 вверху), *масс, касс, сумм, конъюнктур, пьес* (стр. 21), далее *станц* (стр. 23 вверху), но *станцэхэр* (стр. 13 в середине)*, *конституцие*, но *конституциякIэр* (стр. 12 вверху). Как те, так и другие примеры показывают, что — 1) ряд интернациональных и русских слов усвоен уже адыгейским языком в форме, отличной от той, которая регламентируется в § 34–35; 2) что ряд слов, оканчивающихся в русском на *а* безударное и *ия*, подчиняются фонетическим законам адыгейского языка, утрачивая *э* в открытом положении в конце слов (*станц*), но восстанавливают его в закрытом положении (*станцэхэр*) и даже заменяют его долгим *а*

(конституциякIэр). Очевидно, дело регламентации правописания ряда усвоенных слов терминов может быть дано лишь в форме особого орфографического словаря-справочника.

III

В предисловии к рассматриваемому проекту сказано: «Особое внимание было обращено также на максимальное сближение адыгейской орфографии с кабардино-черкесской». Учитывая сказанное нами выше, в разделе 2-м настоящей записки, можно признать частичную справедливость этого заявления: по вопросу слитного и раздельного написания слов адыгейский проект идет по целому ряду имевшихся ранее капитальных расхождений на радикальные уступки (см. § 13–14, 16–17, 19 адыгейского проекта). Однако дело унификации этих родственных письменностей < Л. 14 > далеко еще от желательного завершения.

Сравнивая кабардинский и адыгейский способы выражения средствами русского алфавита тождественных специфических для кабардино-адыгейского языков звуков, получаем такого рода таблицу:

№ п/п	Кабардинский алфавит		Адыгейский алфавит	
1	е	а	е	э
2	hу	,	h	І
3	J	щ	š	щъ
4	z	жь	z	жь
5	l	ль	L	ль
6	ʃ	ш'	h	шI
7	q	кх	q	къ

На последнем примере наглядно сказывается трудность полной унификации алфавитов; этимологически адыгейскому звуку къ соответствует в подавляющем количестве примеров не тождественный фонетически кабардинский звук кх, а отличный фонетически, но совпадающий графически къ (велярный, взрывной с надгортанной экспирацией, отсутствующий в адыгейском). Не меньше затруднений представляет сопоставление шипящих спирантов. Графически совпадают в кабардинском и адыгейском алфавитах разные по фонетическому значению ш и ж (для адыгейского это твердые шипящие, для кабардинского господствующим произношением является произношение их как мягких, выражаемых в адыгейском соответственно через ш и жь).

< Л. 15 > Отмеченные различия, равно как и некоторые отличия в системе орфографии (например, кабардинцы продолжают, вопреки упомянутому проекту орфографии, писать притяжательные префиксы

отдельно, в отличие от адыгейцев, проект которых предусматривает в § 18 слитное написание), все говорят не в пользу существующей кабардинской практики. Особенно очевидным представляется это, в частности, на примерах *ль* и *э*: держась системы выражения глухого латерального спиранта *ль* составным сочетанием, имеющим совершенно иное значение в русском, кабардинцы принуждены писать: *Кремл*, *Национална*, *издателства* (см. последнее издание букваря — К.Б. АССР-м ЙЫНОВА АЛФАВИТЫМ ИЫ КОМИТЕТ. БУКВАР. КЪВАРДЕЙКАЛЬКЪАР. ГОСУДАРСТВЕННА НАЦИОНАЛНА ИЗДАТЕЛСТВА. НАЛШЫК — 1937) и не в состоянии, без насилия над собственной системой орфографии, передать правильно такие слова, как *Энгельс*, *Ильич*, *Ульянов* и т.п. Решительно ничем не мотивировано в настоящее время и полное устранение существующего в языке различия долгого и краткого звука латинского *e* (из них второй передается в адыгейском через *э*, первый через *a*); буква *э* ограничена в своем применении буквально двумя-тремя иноязычными слогами, вроде *аскимос*, *электричество*. Источником этого недоразумения послужила оставленная впоследствии идея передать звук гамзы посредством знака *э* (заменен в настоящее время апострофом, также малоудачным ввиду постоянной необходимости отрывать при письме руку).

Совершенно очевидно, что интересы дальнейшего сближения родственных письменностей настоятельно диктуют необходимость < Л. 16 > устранить указанный разнобой; не менее очевидно, что на уступки и реформу орфографии придется идти на этот раз уже не адыгейцам, сделавшим своим проектом заметный шаг к сближению, а кабардинцам.

IV

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать следующие три положения:

1) Опубликованный Адыгейским научно-исследовательским ин[ститу]том под редакцией Д.А. Ашхамафа проект представляет в своем основном первом разделе вполне доброкачественное, практически весьма удачное решение проблемы перевода адыгейского алфавита на русскую основу. Проект нуждается лишь в немногочисленных пояснениях и дополнениях, намеченных выше, в разделе 2-м прилагаемой записки.

2) Проект адыгейской орфографии (в узком смысле этого слова) радикально упрощает господствовавшую доселе орфографическую практику. Невозможность предусмотреть в общем проекте все частные

затруднения в слитном или раздельном написании некоторых словосочетаний, а равно и в орфографической передаче ряда усваиваемых интернациональных и русских слов, делает настоятельно необходимым издание в ближайшем будущем дополняющего и уточняющего проект орфографического словаря-справочника.

Интересы дальнейшего сближения и возможной унификации родственных адыгейской и кабардинской письменностей требуют пересмотра кабардинской орфографии под углом зрения новой адыгейской орфографии. Задача состоит при этом в том, чтобы < Л. 17 > реформировать кабардинскую орфографию в сторону возможного сближения ее с адыгейским проектом, более совершенным образом решающим задачу перевода письменности на русскую основу.

Профессор (Подпись) Генко

28 января 1938 года.

Summary

A.N. Genko

On transferring the Adygei alphabetical system to the Russian (Cyrillic) basis

Preface and publication by A.I. Alieva

The article of an outstanding scholar in Caucasian studies, a researcher of Central and Eastern Caucasian languages and languages of Transcaucasia A.N. Genko (1896–1941) is kept along with many other unpublished papers in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (F. 74. Inv. 1, unit 117). The subject of this article is an analysis of the project of the new Adygei alphabet based on the Russian alphabet, which was published in Nalchik in 1937.

Key words: A.N. Genko, Caucasian Studies, Adygei spelling reform.